

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-51-72>

<https://elibrary.ru/ATNHEE>

Научная статья /

Research Article

УДК 821.161.1.0

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0
(CC BY-ND)

© 2024 г. *Н.М. Сегал-Рудник*

«ПЕТРОВСКОЕ НА ОКЕ» ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА: ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ

Аннотация: В статье рассматривается проблема хронотопа и вопрос о пространственной позиции лирического субъекта в двух посланиях Вяч. Иванова Ю.К. Балтрушайтису и его супруге, Марии Ивановне, — «Минувшее лето» и «Колонны белья за лугом...» (1915), которые получают авторское название «Петровское на Оке» при составлении сборника «Свет Вечерний» (1962). Лирический герой цикла — визионер, находящийся в особой алетейной позиции. Отсюда ему в пространстве-времени Петровского на Оке открывается ценностная структура Вселенной и динамика исторических процессов, что позволяет сопоставить «петровские» циклы Иванова с метафизической традицией русской поэзии XVIII в. («Евгению. Жизнь Званская» Г.Р. Державина) и ее романтической трансформацией (элегия В.А. Жуковского «Вечер»). Столь же существенными для формирования хронотопа цикла посланий чете Балтрушайтис являются реминисценции и аллюзии фламандской живописи XV–XVII вв. Анализ текстов приводит к заключению, что эстетическая позиция лирического субъекта в рамках хронотопа Петровского на Оке соотносится с идеей М. Бахтина о вневременности.

Ключевые слова: Вяч. Иванов, М. Бахтин, Петровское на Оке, Ян ван Эйк, алетейная позиция, вневременность.

Информация об авторе: Нина Михайловна Сегал-Рудник — PhD, профессор кафедры русских и славянских исследований, гуманитарный факультет, Еврейский Университет в Иерусалиме, гора Скопус, Израиль.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0615-8568>

E-mail: ninarudnik@gmail.com; Nina.Rudnik@mail.huji.ac.il

Для цитирования: *Сегал-Рудник Н.М.* «Петровское на Оке» Вячеслава Иванова: пространство и время // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 4 / ред.-сост. Е.А. Тахо-Годи, А.Б. Шишкин. М.: ИМЛИ РАН, Водолей, 2024. С. 51–72. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-51-72>

“PETROVSKOYE-NA-OKE” BY VYACHESLAV IVANOV:
SPACE AND TIME

Abstract: The article examines space-time framework of Vyacheslav Ivanov's poetic cycle “Petrovskoye-na-Oke” that includes two poems, “The Last Summer” and “To Maria Baltrušaitis' Album” (“The White Columns Behind the Meadow...”) dedicated, respectively, to the poet Jurgis Baltrušaitis and his wife Maria (1915, 1946–1949). The spatial position of the lyrical subject is of special interest. The poetic subject of the “Petrovskoye-na-Oke” topos sees a dramatic picture of the universe and discovers the dynamics of historical processes. This makes these poems by Ivanov a direct continuation of the metaphysical Russian poetry of the 18th century (e.g. Gavriil Derzhavin) as well as of the romantic Russian lyric poetry of the 19th century (Vassily Zhukovsky). Reminiscences from the Netherlandish painting tradition of the 15–17th centuries also come to mind. The topos of “Petrovskoye-na-Oke” poems, one of the lyric constants of Ivanov's poetry, invites a comparison with Mikhail Bakhtin's aesthetic theory of being outside.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Mikhail Bakhtin, Jan van Eyck, Petrovskoye-na-Oke, aletheia, being-outside.

Information about the author: Nina M. Segal-Rudnik, PhD, Professor of the Department of Russian and Slavic Studies, Faculty of Humanities, Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus, Israel.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0615-8568>

E-mail: ninarudnik@gmail.com; Nina.Rudnik@mail.huji.ac.il

For citation: Segal-Rudnik, N.M. “‘Petrovskoye-na-Oke’ by Vyacheslav Ivanov: Space and Time.” *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. *Research and Materials*]. Issue 4, comp. and ed. by E. Takho-Godi, A. Shishkin. Moscow, IWL RAS Publ., Vodoley Publ., 2024, pp. 51–72. (In Russ.)

<https://doi.org/10.22455/978-5-9208-9782-3-51-72>

Хронотоп Петровского на Оке — усадьбы В.В. Бера, где летом 1914 г. снимали дачу семьи Вяч. Иванова и Ю.К. Балтрушайтиса, — приобретает в поэзии Иванова черты профетического топоса уже в его первом «петровском» цикле «На Оке — перед войной»¹. Созданный накануне начала войны и напечатанный в «Русской

¹ О профетическом топосе см.: Сегал-Рудник Н.М. «Петровские» циклы Вяч. Иванова (в печати).

мысли» с датами создания стихотворений, цикл был закреплен в сознании современников как пророческое предвидение грозных событий (см.: [2; 17]). Хронотоп Петровского на Оке с уже подразумеваемой пророческой коннотацией вновь возникает в двух посланиях Иванова чете Балтрушайтис: «Минувшее лето» («Забуду ль в роковые дни...») и «В альбом М.И. Балтрушайтис» («Колонны белыя за лугом...»)². Создание обоих текстов совпадает с моментом развития военных действий, который многим казался символическим: стихотворения были написаны последовательно 5 и 6 января 1915 г., т. е. сразу после официального заявления штаба Кавказской армии об окончательной победе в Саракамышском сражении (9 (22) декабря 1914 — 5 (18) января 1915 гг.). Знаменитая 3-я турецкая армия, приведшая к победе младотурок в 1908 г., была позорно разгромлена относительно небольшими русскими силами. В результате оказалась посрамлена не только военная тактика Османской империи, основанная на немецких и наполеоновских образцах. Победа России и ее союзников по Антанте в оборонительной операции против наступления турецких войск в районе Саракамыша Карской области в целом означала срыв планов Османской империи по захвату российского Закавказья и начало конца идеологии и практики пантюркизма и пантуранизма. Казалось, что поражение Энвера-паши открывало для всего христианского мира новую эпоху, которая должна была начаться Дарданелльской операци-

² Стихотворения цикла были изначально объединены общим импульсом, о чем свидетельствуют даты их создания. «Минувшее лето» было опубликовано в 1915 г. в «Невском альманахе» с посвящением «Юргису и М.И. Балтрушайтис» и датой создания — 5 января 1915 г. Стихотворение «В альбом М.И. Балтрушайтис» («Колонны белыя за лугом...») опубликовано в 1916 г. во втором выпуске альманаха «Гюлистан». В рукописи стихотворение «В альбом М.И. Балтрушайтис» имеет название «Сельское соседство» («Колонны белыя за лугом...») и датировано 1915 г. (см.: [23, с. 9, л. 56]). В Брюссельском собрании сочинений Вяч. Иванова в примечании к этому стихотворению указано: «Стихотворение написано в Москве, в ночь на 6 января 1915 года» [22, т. III, с. 834]. Уточнение датировки текста О.А. Шор (О. Дешарт) согласовано с воспоминаниями Л.В. Ивановой, см. мемуарную часть текста этого примечания: [22, т. III, с. 835–836].

ей, захватом Стамбула и выводом Турции из войны. Петровское на Оке как топос пророчества, связанный с ним семантический сюжет и его лирический субъект становятся, таким образом, существенными формообразующими факторами поэтики Иванова, в определенном смысле константой его идеологической и эстетической позиции. Вновь к этому топосу Иванов обращается в 1946–1949 гг. при составлении сборника «Свет Вечерний», включая в него оба «петровских» цикла, отредактированных специально для этого издания и напечатанных в порядке их создания. Два послания чете Балтрушайтис получают здесь общее название — «Петровское на Оке». Предметом нашего рассмотрения в настоящей статье является один формальный признак хронотопа цикла посланий «Петровское на Оке» — позиция его лирического героя. Она отлична от положения лирического субъекта в пространстве-времени цикла «На Оке — перед войной» и может быть охарактеризована как алетейная.

Понятие ἀλήθεια, хорошо известное Вяч. Иванову как филологу-классику и философу, было дополнительно актуализировано в 1914 г. благодаря публикации книги о. П. Флоренского «Столп и утверждение Истины». Флоренский писал, оспаривая современные вариации гераклитовой идеи реальности и мощи времени, в частности, у А. Бергсона:

...у нас незаглушимо требование того, что *не* забвенно, что *не* забываемо, что “пребывает, μένει” в текущем времени. Эта незабвенность и есть ἀλήθεια. Истина, в понимании **ЭЛЛИНА**, есть ἀλήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, — нечто превосмогающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое. Истина есть *вечная память* какого-то Сознания; истина есть ценность, достойная вечного памятованья и способная к нему [16, с. 18–19].

Эллинское представление об истине-ἀλήθεια и ивановское понятие символистской вселенской тайны, сохраняющейся в пространстве и времени, представляются концептуально близкими. Во всяком случае, их соответствие очевидно в поэзии Ива-

нова начала Первой мировой войны, когда тезис о непреходящей истине соотносится для него с кажущимся столь близким разрешением восточного вопроса и ситуации с Константинополем – на фоне начавшегося еще накануне войны обсуждения проблемы проливов, которое в результате привело к развертыванию Дарданелльской операции. Иванов и Балтрушайтис солидаризировались с положением В.Ф. Эрна о том, что мир вступил в «славянофильский эон» истории и «русская идея всечеловечности загорается небывалым светом над потоком всемирных событий» [18, с. 6–7]³.

Два послания чете Балтрушайтис дополняют и уточняют уже сложившуюся структуру петровского профетического топоса Иванова и его позицию как принадлежащую «большому стилю». Семантический сюжет цикла «Петровское на Оке» разворачивается в визуальных процессах лирического субъекта (см.: [6]) как поиск метафизической концепции истины. Приведем тексты посланий⁴.

Петровское на Оке

Юргису и Марии Ивановне Балтрушайтис.

1.

- 1 Забуду ль, в роковые дни
- 2 Священного отчизне лета,
- 3 Семьи соседственной поэта
- 4 Гостеприимные огни?
- 5 Мы вместе зажигали свечи
- 6 И выносили образа,
- 7 Когда вселенская гроза
- 8 Семью громами издалече
- 9 Заговорила.... И во мне
- 10 Навек жива взаимность эта,
- 11 Как соучастие обета
- 12 Спасенных на одном челне.

³ В переписке Иванова с Балтрушайтисом этого времени имя Эрна упоминается в соответствующем контексте [7, с. 78, 85].

⁴ Цикл посланий цитируется по [22], вопрос о вариантах разночтений по отношению с первыми публикациями здесь не дискутируется.

2.

- 1 Колонны белые за лугом... На крыльце
- 2 Поэтова жена в ванэйковом чепце, —
- 3 Тень Брюгге тихого... Балкон во мгле вечерней, —
- 4 Хозяйки темный взгляд, горящий суеверней, —
- 5 Мужского голоса органные стихи...
- 6 И запах ласковый сварившейся ухи
- 7 С налимом сладостным, подарком рыбакова
- 8 Собрату рыбарей и сеятелей слова...
- 9 Вы снова снитесь мне, приветливые сны!
- 10 Я вижу, при звездах, кораллы бузины
- 11 В гирляндах зелени на вечере соседской,
- 12 Как ночь, торжественной, — как игры Музы, детской.
- 13 И в облаке дубов, палатой вековой
- 14 Покрывшем донизу наклон береговой,
- 15 В мерцаньи струй речных и нежности закатной,
- 16 Все тот же силуэт, художникам приятный,
- 17 Прямой, с монашеской заботой на лице,
- 18 Со взглядом внемлющим, в ванэйковом чепце

[22, т. III, с. 528–529].

Доминанта цикла «Петровское на Оке» — символический образ «Поэтова жена в ванэйковом чепце». На его будущее появление словно указывает рифменный повтор «эта» первого стихотворения в стихах 2–3, 10–11: «лета — поэта — эта — обета». Основной символ цикла стоит в рифменной позиции во втором стихе второго стихотворения, соответственно, в четырнадцатом стихе цикла, состоящего из тридцати строк. Ян ван Эйк изображает в таком «чепце» свою супругу Маргарет на портрете 1439 г. Видимо, этот портрет имеет в виду Иванов, указывая на Брюгге как место его первоначального и настоящего хранения⁵: «Тень Брюгге тихого». Такое же изображение головного убора есть и на «Портрете четы Арнольфини» (1434 г., Лондон, Национальная галерея). Увенчанная головным убором с картин знаменитого фламандца, фигура лирической героини послания

⁵ До начала XVIII в. картина находилась в церкви Гильдии св. Луки, затем была перенесена в Groeningemuseum (Brugge).

кажется словно вытканной в центре поэтической ткани ивановского цикла. Той же рифмой-повтором замыкается цикл посланий чете Балтрушайтис: «Поэтова жена в ванэйковом чепце» с тревогой, мистическим предчувствием (ср. ее «темный взгляд, горящий суеверней») и «монашеской заботой» вглядывается в наступающие сумерки. Ассоциация с образом страдающей Бельгии вкупе с именем лирической героини послания Иванова напоминает о вариантах *imitatio Mariae*.

Образ «поэтова жена в ванэйковом чепце» возникает в тексте Иванова в процессе поэтической сакрализации, который начинается уже в первом стихотворении и постепенно захватывает все поэтическое пространство цикла. Формально этот процесс выражается, в частности, в лейтмотивном повторе «за». Он пронизывает все первое стихотворение, создавая символику обета, клятвы, завета: «**З**абуду ль, **з**ажигали, **о**браза, **г**роза, / **З**аговорила, **в**заимность». Три префикса глаголов со значением начинающегося действия создают ощущение интенсивности воспоминания лирического «я». Повтор «за-» с семантикой клятвы связан с интроспекцией лирического субъекта, «путешествующего» в пространстве воспоминания. Обращенный в прошлое, его интроспективный взгляд прикован к тому месту, откуда видны усадьба и все Петровское на Оке. Из топографии Петровского понятно, что позиция лирического субъекта должна находиться за рекой, чтобы охватить взглядом все это пространство.

Во втором стихотворении цикла «Петровское на Оке», «Колонны белые за лугом...», повтор «за-», хотя и менее частотный, связан с той же семантикой обета-клятвы и тем же представлением о заречной позиции лирического субъекта. Эта заречная, алетейная, позиция позволяет вновь интроспективно всмотреться в очертания усадьбы, совершая то же странствие в хронотопе памяти, что и в первом стихотворении. Повтор «за-» во втором послании продуктивно используется в создании хронотопа воспоминания о доме друзей: дружеская трапеза («**з**апах»), время суток («**з**акатной») и женское начало, окутывающее все происходящее («**з**аботой»). Во втором тексте происходит снижение частотности активного залога: здесь только два глагола («снитесь»

и «вижу»), два действительных причастия («горящий» и «внемлющий») и два страдательных («сварившейся» и «покрывшем»). Темпоритм разворачивания воспоминания в цикле замедляется от четырехстопного ямба первого послания к шестистопному ямбу второго⁶. Так уже в первом стихе второго послания происходит семантический сдвиг, создающий впечатление гораздо более длительного и пристального всматривания в прошедшее. Соответственно, увеличивается момент пребывания лирического субъекта в заречной, алетейной позиции, что дает ему возможность к концу цикла обнаружить ту тайну петровского пространства, которая заключена в образе «Поэтова жена в ванэйковом чепце». Символический женский образ цикла возникает перед внутренним взором лирического субъекта-визионера на фоне все более детальной проработки картины русской усадьбы.

Алетейная позиция лирического героя тесно связана с представлением о русской усадьбе как религиозном, провидческом и творческом топосе. Здесь открывается тайна исторического и вневременного, отсюда провидится мировая трагедия, напряженное ожидание которой разлито в самом поэтическом усадебном быте⁷. В первом стихотворении цикла Иванова «вселенская гроза» уже разразилась (7 стих), с ней корреспондируют «гостеприимные огни» усадьбы (4 стих), напоминающие о фетовских «Вечерних огнях», и всеобщее огненное действо во второй строфе, участники которого — поэтическое «мы» послания-клятвы⁸.

⁶ В посланиях чете Балтрушайтис 4Ямжжм в первой и третьей строфах и 4Яжммж во второй строфе первого текста сменяется во втором стихотворении 6Яммжж и анапестическими ходами в 5 и 6 стопах, смещающими смысловую ситуацию в начало строки.

⁷ Подобно тому, как это происходит в «Вечерних огнях» Фета. Вл. Соловьев, анализируя «Вечерние огни», писал, в частности: «Не одна только трагедия служит к очищению (καθάρισις) души: быть может, еще более прямое и сильное действие в этом направлении производит чистая лирика на всех, кто к ней восприимчив» [13, с. 404]. В общей атмосфере стихотворения Иванова и всего цикла «Петровское на Оке» возможная ассоциация с «Вечерними огнями» и этими словами Соловьева корреспондирует с представлениями о поэзии как синтезе души поэта с целостным строем бытия.

⁸ Ср. подобные «огненные» мотивы в публицистике этого времени.

Позиция лирического субъекта позволяет охватить взглядом все Петровское на Оке, включая оба берега реки, холм, парк на его склонах, луг перед усадьбой и, наконец, дом с символической женской фигурой. Она является параллелью к его образу и в хронотопе цикла посланий занимает противоположную по отношению к нему позицию: «он смотрит на нее, стоящую на фоне дома с колоннами, — она вглядывается во все окружающее пространство, включающее другой берег реки». Образ «Поэтова жена в ванэйковом чепце» приобретает семантику оберегания, заботы по отношению и к лирическому субъекту, и ко всему пространству топоса.

Метафизическая концепция цикла посланий чете Балтрушайтис разворачивается в ряде визуальных картин и настойчиво требует обращения к топосу усадьбы в русской классицистской традиции. На нее указывает ритмика посланий Иванова, о которой как способе увеличения длительности всматривания уже говорилось выше. Особенно интересен в этом отношении шестистопный ямб второго послания. В своем описании атмосферы сельской жизни в Петровском на Оке он явно восходит к той же II эклоге Горация и немецкой традиции *Landlebendichtung* (E.K. von Kleist, F. von Hagedorn), что и послание Державина «Евгению. Жизнь Званская» [19, с. 316]. Державинские религиозные и философские поиски единства и гармонии со Вселенной становятся вехами метафизики посланий Иванова чете Балтрушайтис. Обращение к Державину в ивановском топосе Петровского на Оке создает момент покоя и тишины, необходимый для провидения грядущих событий⁹. В обоих посланиях Балтрушайтисам позиция лирического субъекта остается неизменной — заречной, алетейной; перемещается только его интроспективный взор. Положение героя в пространстве строго ограничено. В этом отношении очевидно влияние «Евгению. Жизнь Званская» с его обращением к традиции паскалевской философии, столь определяющей для русского классицизма и возникновения русской ме-

⁹ О тишине в традиции русской поэзии XVIII в. см.: [12, с. 115–117, 160–164, 196; 10, с. 192–203; 5, с. 6–8; 4, с. 139–145].

тафизической поэзии. Наблюдение из определенной точки предполагает поиск структуры мира как Божественного творения и идею возможной тождественности Абсолюта и человеческого существования. Преломленная романтизмом, эта классицистская традиция в определенной мере обусловила поэтические открытия Фета, Тютчева и особенно Вл. Соловьева, столь важные для Иванова, в центре послания которого оказывается символический женский образ, вызывающий соответствующие ассоциации.

В отличие от хронотопа Державина, основанного на представлении о сутках как символе человеческой жизни, в посланиях Балтрушайтисам время определено романтическими сумерками, наступлением вечера и светлой летней ночи. Общая атмосфера, создающаяся в стихотворении «Колонны белые за лугом...», напоминает о написанной тем же размером элегии Жуковского «Вечер» — отправного полемического пункта для послания Державина «Евгению. Жизнь Званская». Видению целого мироздания в послании Державина на протяжении разворачивающихся суток соответствует в послании Иванова пристальное вглядывание в наступающий вечер и вслушивание в тишину, как у Жуковского. Очевидно, сам метод религиозного познания-откровения, усвоенный Жуковским и русским романтизмом у Сведенборга и Бёме, стал актуальным для интроспекции лирического субъекта Иванова. Подобная идея всматривания-видения характерна и для Я. ван Рёйсбрук, книга которого «Одеяние духовного брака» вышла в русском переводе в 1910 г. и приобрела широкую известность в литературных кругах. Узрение мистической окраски предметов в цикле Иванова столь же напоминает о религиозных и эстетических принципах элегии «Вечер» или фрагмента «Невыразимое».

Вопрос о жанровой принадлежности второго стихотворения цикла «Петровское на Оке» предполагает обращение к проблеме взаимодействия классицистской и романтической традиции (ср.: [14, с. 83, 87–88]): послание включает в себя элементы элегии, а его форма с эффектом незавершенности напоминает о фрагменте. В первых восьми стихах — четырех предложениях первой части текста — обращают на себя внимание четы-

ре многоточия, создающие характерную медитативную интонацию, передающую ощущение медленно развивающегося процесса погружения вглубь памяти. Ему соответствует и обрамляющая рифма «крыльце — чепце — лице — чепце». Вторая часть фрагмента (стихи 9–18) начинается с восклицания с характерным мотивом прошлого как сладостного сна: «Вы снова снитесь мне, приветливые сны!»

Иванов совмещает традиции Жуковского и Державина, на свой лад разрешая давний спор поэтов в современном контексте. Явление в воздухе женского силуэта напоминает о символике красоты и поэзии у Жуковского, например, «Гений чистой красоты» в «Лалла Рук». К словарю Жуковского отсылает и строка «В мерцанье струй речных и нежности закатной», ср. в элегии «Вечер»: «Последняя в реке блестящая струя / С потухшим небом угасает», «Как сладко в тишине у берега струй плесканье!» Вместе с тем в тексте Иванова существуют столь же явные державинские пространственные характеристики, ср. образ реки как зеркала, в котором отражается высший мир:

- 13 И в облаке дубов, палатой вековой
- 14 Покрывшем донизу наклон береговой,
- 15 В мерцаньи струй речных и нежности закатной,
- 16 Все тот же силуэт, художникам приятный,
- 17 Прямой, с монашеской заботой на лице,
- 18 Со взглядом внемлющим, в ванэйковом чепце.

Подобное происходит в послании Державина «Евгению. Жизнь Званская», где в описании речных отражений через камеру-обскуру возникает проекция структуры мира. Движение звезд и солнц связано с представлением о Божественной Премудрости и служит ее прославлению [19, с. 274]:

- Иль в мрачном фонаре люблюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью [21, с. 330].

В видениях лирического субъекта Иванова, находящегося на другой стороне символического водного потока, символ «Поэтова жена в ванэйковом чепце» ассоциируется в контексте державинского послания с подобным явлением высшей реальности. Проекция державинской картины оказывается транспонированной в иной философский и поэтический контекст.

Мотивы сакрализации пространства во втором послании Иванова Балтрушайтисам словно намеренно скрыты элегической интонацией, напоминающей о Жуковском, однако онтологический статус хронотопа стихотворения свидетельствует об ориентации Иванова на образцы Ломоносова и Державина, корреспондирующие с представлением о Всевышнем как великом зодчем — создателе и устройтеле мира. Этому способствуют дополнительные аллюзии фламандской живописи, в частности, символика голландского натюрморта XVII в. в ивановском описании ужина:

- 6 И запах ласковый сварившейся ухи
- 7 С налимом сладостным, подарком рыболова
- 8 Собрату рыбаблей и сеятелей слова...

Ивановский натюрморт напоминает о поэтических «картинах» Державина в послании «Евгению. Жизнь Званская» с *couleur locale*, ср. окского налима и запах ухи у Иванова и державинскую щуку («с голубым пером / Там щука пёстрая») и запах («пар») чая и кофе у Державина. В обоих случаях подразумевается традиционная христианская символика рыбы, актуализированная ассоциациями с «рыбным» фламандским натюрмортом. Сакрализация бытовых деталей у Иванова поддерживается евангельской лексикой («собрату рыбаблей и сеятелю слова...») вкупе с фигурой умолчания в конце предложения. В результате вечерняя трапеза на большом балконе, поддерживаемом мощной полуротондой римской дорической колоннады («Колонны белые за лугом...»), превращается в священное действие, вечерю. Орган стихов звучит над упоминаемыми в тексте дубовым парком, береговым наклоном и всем открывающимся сверху бескрайним

окским пейзажем. Процесс сакрализации охватывает все видимое пространство, напоминая о традиции изображения русской усадьбы как храма, ср. «храмовидный дом» в послании «Евгению. Жизнь Званская». Одновременно возникает еще одна аллюзия европейской традиции изображения сакральных фигур и объектов в доме/храме на фоне широко открывающегося пейзажа, как, например, в картине того же Я. ван Эйка «Мадонна канцлера Ролена».

Другая существенная деталь, свидетельствующая о развертывании в тексте всеохватывающего процесса перевода профанного в религиозное в топосе Петровского на Оке, — это гирлянды, обвивающие дом, которые также видны с алетейной позиции героя:

- 10 Я вижу, при звездах, кораллы бузины
- 11 В гирляндах зелени на вечере соседской,
- 12 Как ночь, торжественной, — как игры Музы, детской.

Зеленые гирлянды с ягодами бузины напоминают о цветочных декорах средневековых соборов, особенно распространенных в готике, ср., например, гирлянду, опоясывающую стены Амьенского собора, или Анжер с его цветочными гирляндами нервюр. Образ Петровского на Оке приобретает черты подобного сакрального здания. В тексте Иванова в соотношении с символическими тревогой и заботой хозяйки красная бузина с ее славянской символикой¹⁰ в зелени гирлянд и колорите наступающего вечернего освещения вызывает ассоциации с пролитой кровью и смертью. Торжественная интонация в описании ужина (вкупе с темой обета в цикле) указывает на параллель с живописными

¹⁰ Красная бузина — распространенное растение, используемое в том числе и для декоративных целей, в немецких и западно-славянских верованиях, имеет защитную функцию по отношению к дому: в кусты красной бузины не бьет гром, а в дом не проникает нечистая сила, потому что в бузине живут оберегающие жилище духи. Бузина связана с представлениями о замужестве, любви и производительной силе, например, в литовских верованиях [1, с. 487, 489; 15, с. 241, 243–244]. В западнославянском дендрарии у бузины есть и значение, связанное с символической смерти (например, в Польше из нее делают погребальные венки) [1, с. 491].

изображениями тайной вечери, у Иванова — символистской вечери поэтов и поэзии как тайного апостольского служения в годину гнева, если пользоваться его же выражением.

Символика этой религиозной сцены на фоне цветочной гирлянды вновь напоминает о фламандской традиции XVII в., где становятся особенно популярными изображения религиозных сцен в окружении гирлянд, например, у Я. Брейгеля-старшего, Д. Зегерса, Я.Д. де Хема, Ф. Снейдерса, П.П. Рубенса и др. Гирлянды, задуманные как *trompe l'oeils*, формируют иллюзионистскую рамку внутри рамы картины, выделяя на первый план эти религиозные изображения. Образ женщины с ребенком на фоне гирлянды — традиционный сюжет этого жанра, известными примерами которого являются «Мадонна с младенцем, окруженные цветами» Я. Брейгеля-старшего и Х. ван Балена (1607–1608 гг., Милан, Амброзиана), «Мадонна с младенцем, окруженные цветами и фруктами» Я. Брейгеля-старшего и П.П. Рубенса (1620 г., Мадрид, Прадо) или их же «Мадонна с младенцем в цветочной гирлянде» (1621 г., Париж, Лувр) [20]. В центре этих композиций находится изображение Мадонны с младенцем, которое резко выступает, «является» из зеленой гирлянды с цветами и фруктами.

Подобная картина возникает перед взором лирического субъекта ивановского стихотворения, находящегося на другой стороне символического водного потока — течения памяти. Внутреннее течение его сна наяву приносит прозрение: «Вы снова снитесь мне, приветливые сны! / Я вижу <...>». Отсюда этому зрению, обращенному вовнутрь, в глубину памяти, открывается высшая истина — видение женщины в «ванэйковом чепце». Оно, подобно иконописному изображению, освящает всю открывающуюся панораму усадьбы и завершает цикл.

В созданном Ивановым элегическом континууме цикла «Петровское на Оке» определяется онтологическая позиция лирического субъекта, которая возникает в результате расширения его интроспективного обзора. Момент личной памяти, все более распространяющийся в пространстве и времени, преобразуется в платоновскую память-*anamnesis* благодаря использованию в тексте живописных, архитектурных и пейзажных ци-

тат и аллюзий, имеющих явно выраженные сакральные оттенки и свойства. Искусство, поэзия, брачный союз и идущая в отдалении грозная священная война возникают как этическое и эстетическое единство на фоне тишины, сельского покоя, налаженного быта русской усадьбы.

Таким образом «Поэтова жена в ванэйковом чепце» является взору лирического субъекта Иванова не только как символ солидарности России и Бельгии, Востока и Запада, экуменического религиозного единства. Явление этого символа в пейзаже на фоне наступающего вечера вызывает напрашивающуюся ассоциацию с поэтической эпифанией. Петровское на Оке в цикле Иванова становится одним из тех русских богородичных локусов, которые имели столь большое значение в его творчестве, ср., например, с легендой о Дивеевом монастыре в сопоставлении с затворением Деметры в Элевсине в работе «Достоевский и роман-трагедия» (1911).

В цикле посланий Иванова синтаксические конструкции, лейтмотивы, размеры, рифменные сочетания и весь остальной поэтический инструментарий функционально подчинены единой цели: открытию истины, ее скрытого сакрального содержания, определяющего смысл истории. Топос «Петровского на Оке» предполагает этот момент движения по направлению к истине из алетейной позиции лирического субъекта. В этом отношении ее вполне возможно сопоставить с представлением М.М. Бахтина о венаходимости. Об этом, в частности, свидетельствует в ивановском цикле состояние тишины и покоя, которое необходимо для узрения того, что непреложно сохраняется в гераклитовом потоке времени. «Петровское на Оке» в посланиях Иванова чете Балтрушайтис можно в целом определить как пространство тишины, где любой звук и движение воспринимаются поэтом столь обостренно. Бахтин, почитатель, последователь и вдумчивый оппонент Иванова, соотносил такой «обоснованный покой» с представлением о «спокойной, незыблемой и богатой позиции венаходимости», характерной для большого стиля и противопоставленной кризису авторства в романтизме и последующих направлениях. «Покой как выражение доверия

в событии бытия, ответственный, спокойный покой», покой как обоснованная ценностная установка бытия является, с его точки зрения, условием эстетического творчества [3, с. 189]. Бахтин акцентирует связь позиции вневходимости и покоя как религиозного, философского и культурного понятия, характерного для большого стиля¹¹. К нему принадлежит поэзия Иванова в целом, и цикл «Петровское на Оке» — одно из подтверждений этому¹².

Установка на ценностный покой — отличительная черта лирического субъекта цикла «Петровское на Оке». Она обеспечивается идеологической и эстетической позицией Иванова, его уверенностью в неминуемом приближении «царьградского периода» русской истории как урока России, заданного Достоевским. Именно поэтому в стихотворных текстах 1914–1915 гг. на первый план выдвигается проблема познания Вселенной как за-

¹¹ Бахтин утверждает: «Уверенное единство стиля (большой и сильный стиль) возможно только там, где есть единство познавательно-этической напряженности жизни, бесспорность управляющей ею заданности — это первое условие, второе — бесспорность и уверенность позиции вневходимости (в конечном счете, как увидим, религиозное доверие к тому, что жизнь не одинока, что она напряжена и движется из себя не в ценностной пустоте), прочное и неоспоримое место искусства в целом культуры. Случайная позиция вневходимости не может быть уверена в себе; стиль не может быть случайным. Эти два условия тесно связаны между собой и взаимообуславливают друг друга. Большой стиль обнимает все области искусства, или его нет, ибо он есть стиль прежде всего самого видения мира и уже затем обработки материала» [3, с. 185–186].

¹² Принадлежность поэзии Иванова и его собственной эстетической позиции к большому стилю обусловлена не только его обширными знаниями и образованностью, но прежде всего его глубокой религиозностью, его теологическими, мистическими и эзотерическими интересами. Другим определяющим фактором была ориентированность его научных занятий и культурной деятельности на античность, тем бережным отношением филолога-классика, которое не могло быть поколеблено в своих основах никакими неоромантическими и другими модернистскими трансформациями. Продолжающаяся на протяжении всей жизни Иванова полемика с Ницше и отстаиваемая в ней идея Третьего славянского Возрождения все более укрепляла и детализировала связь античности и христианства. Эта фундированная эстетическая позиция Иванова обеспечивает его особое положение в полемике между неославянофилами и их противниками по поводу мирового значения разразившихся событий и роли России в них.

мысла Всевышнего, поэтическое изучение действующих в ней сил и их связей с историческими функциями стран и народов, призванных сейчас на последний суд [2, с. 172]. Вопрос о строении мира, пылающего в огне войны, соотносится со структурой лирического «я». В этом плане очевидна та преемственность, которая связывает поэзию Иванова с западноевропейской и русской традицией. Напомним еще раз о значимости идеи Паскаля о возможном тождестве структуры мира и человеческой личности.

Лирика Иванова 1914–1915 гг. имеет подобный характер эпистемологического орудия. Однако соотношение позиции вненаходимости в поэзии Иванова с классическими образцами немедленно выявляет существенную разницу. Его лирический субъект практически всегда отождествляется с учителем, наставником, пророком — старшим, мудрым, убежденным в своих религиозных и этических ориентирах. Он всегда на равных с универсумом, несмотря на разницу масштабов; более того, поэтическое запечатление грандиозности Вселенной акцентирует правоту лирического «я». Ощущение собственной малости, характерное для оды Ломоносова или Державина, практически отсутствует в поэзии Иванова. Даже в послевоенном и послереволюционном тексте «Да, сей пожар мы поджигали...» (1919) явственно ощущима майоратная позиция правоты — при первоначальном импульсе признания. Ее формированию и способствует алетейная позиция лирического героя цикла посланий. Благодаря ей хронотоп «Петровского на Оке» представляется в виде стройной ценностной структуры, которая напоминает о важности для Иванова платоновского анамнезиса [9; 11] и его идее постоянно пополняемого тезауруса.

Список литературы

Исследования

1. *Агапкина Т.А.* Символика деревьев в традиционной культуре славян: бузина (род *Sambucus L.*) // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2016. Т. 11. С. 487–495.

2. *Баран Хенрик*. Первая мировая война в стихах Вяч. Иванова // Вячеслав Иванов: материалы и исследования. М.: ИМЛИ РАН, 1996. С. 171–185.
3. *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетической действительности // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров; подгот. текста Г.С. Бернштейн и Л.В. Дерюгина; примеч. С.С. Аверинцева. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
4. *Бухаркин П.Е.* Михаил Васильевич Ломоносов в истории русского слова. СПб.: Нестор-История, 2011. 172 с.
5. *Бухаркин П.Е.* Топос тишины в одической поэзии М.В. Ломоносова // XVIII век: сб. статей и материалов / отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб.: Наука, 1996. Сб. 20. С. 3–12.
6. *Котрелев Н.В.* «Видеть» и «ведать» у Вячеслава Иванова (из материалов к комментарию на корпус лирики) // Вячеслав Иванов: творчество и судьба. К 135-летию со дня рождения. М.: Наука, 2002. С. 7–18.
7. *Котрелев Н.В.* Из переписки Юргиса Балтрушайтиса с Вяч. Ивановым и Одоардо Кампа; Манифест московского “Lo Studio Italiano”, составленный Юргисом Балтрушайтисом // Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas / redaktorė Donata Mitaitė. Vilnius: Liet. literatūros ir tautosakos inst., 1999. P. 73–98.
8. *Крон А.-Л.* «Евгению. Жизнь Званская» как метафизическое стихотворение // Норвичские симпозиумы по русской литературе. Норфилд: Русская школа Норвичского ун-та, 1995. Т. 4: Гаврила Державин: Симпозиум, посвященный 250-летию со дня рождения / под ред. Е. Эткинды и С. Ельницкой. С. 268–282.
9. *Обатнин Г.* Еще раз о «помнить» и «вспомнить» у Вяч. Иванова // Окно из Европы. К 80-летию Жоржа Нива / сост. Г. Нефедьев, А. Парнис, В. Скуратовский. М.: Три квадрата, 2017. С. 454–465.
10. *Панченко А.М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 464 с.
11. *Ронен И., Ронен О.* «Память» и «воспоминание» у Вячеслава Иванова и Владислава Ходасевича // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 1 / отв. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевский, А.Б. Шишкин. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2010. С. 133–142.
12. *Серман И.З.* Поэтический стиль Ломоносова / отв. ред. П.Н. Берков. М.; Л.: Наука, 1966. 260 с.
13. *Соловьев В.С.* О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского // *Соловьев В.С.* Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. 701 с.

14. *Спроге А.* Юргис Балтрушайтис — адресат лирических посланий К. Бальмонта, В. Брюсова, Вяч. Иванова // *Спроге А.* Русская поэзия и проза XX в.: эпоха символизма и эмиграции. Монография. Рига: Академическое изд-во Латвийского ун-та, 2009. С. 83–88.
15. *Топоров В.Н.* Об индоевропейских соответствиях одному балтийскому мифологическому имени: балт. Puš(k)ait — др.-инд. Pūṣān, др.-греч. Πῦν // *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 2. Кн. 1. С. 235–263.
16. *Флоренский П.А.*, свящ. Сочинения: в 2 т. / вступ. ст. С.С. Хоружего. М.: Правда, 1990. Т. 1 (I): Столп и утверждение Истины. 490 с.
17. *Хеллман Б.* Когда время славянофильствовало. Русские философы и первая мировая война // *Slavica Helsingiensia 6: Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia.* Проблемы истории русской литературы начала XX века / под ред. А. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki: University of Helsinki, 1989. С. 211–239.
18. *Эрн В.Ф.* Время славянофильствует. Война, Германия, Европа и Россия. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1915. 48 с.
19. *Klein Joachim.* Review: Зримая лирика: Державин Tat'jana Smoljarova // *Revue des études slaves.* 2011. Vol. 82, № 2. P. 311–317.
20. *Merriam S.* Seventeenth-Century Flemish Garland Paintings. Still Life, Vision and the Devotional Image. Burlington, VT: Ashgate, 2011. 214 p.

Источники

21. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 488 с.
22. *Иванов Вяч.* Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Foyer oriental chrétien, 1971–1987.
23. *Опись I.* Поэтические произведения Вяч. Иванова / сост. С.К. Кулюс, М.Б. Плюханова; под ред. А.Б. Шишкина. Rome: Vjatcheslav Ivanov Research Center, 2015. 180 с. URL: http://www.v-ivanov.it/wp-content/uploads/ivanov_archiv_rim_opis_1_v.1.2_08.2009.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

References

1. Agapkina, T.A. “Simvolika derev'ev v traditsionnoi kul'ture slavian: buzina (rod Sambucus L.)” [“The Symbolism of Trees in the Slavic Traditional Culture: Elder (Genus Sambucus L.)”]. *Slavianskii mir v tret'em tysiacheletii*, vol. 11, 2016, pp. 487–495. (In Russ.)

2. Baran, Khenrik. "Pervaja mirovaia voina v stikhakh Viach. Ivanova" ["WWI in Vjacheslav Ivanov's Poetry"]. *Viacheslav Ivanov: materialy i issledovaniia* [Vyacheslav Ivanov: Materials and Research]. Moscow, IWL RAS Publ., 1996, pp. 171–185. (In Russ.)
3. Bakhtin, M.M. "Avtor i geroi v esteticheskoi deistvitel'nosti" ["Author and Hero in Aesthetic Activity"]. Bakhtin, M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity], comp. S.G. Bocharov, text prep. G.S. Bernstein and L.V. Deriugina, ref. by S.S. Averintsev. 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986. 445 p. (In Russ.)
4. Bukharkin, P.E. *Mikhail Vasil'evich Lomonosov v istorii russkogo slova* [Mikhail Lomonosov in the History of the Russian Word]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2011. 172 p. (In Russ.)
5. Bukharkin, P.E. "Topos tishiny v odicheskoi poezii M.V. Lomonosova" ["The Topos of Silence in Mikhail Lomonosov Odic Poetry"]. Kochetkova, N.D., editor. *XVIII vek: sbornik statei i materialov* [18th century: Collection of Articles and Materials], coll. 20. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, pp. 3–12. (In Russ.)
6. Kotrelev, N.V. "'Videt' i 'vedat' u Viacheslava Ivanova: Iz materialov k kommentariiu na korpus liriki" ["'Seeing' and 'Knowing' in Vjacheslav Ivanov's Poetry: Materials and Commentaries"]. *Viacheslav Ivanov: tvorchestvo i sud'ba. K 135-letiiu so dnia rozhdeniia* [Vyacheslav Ivanov: Creativity and Fate. On the 135th Anniversary of his Birth]. Moscow, Nauka Publ., 2002, pp. 7–18. (In Russ.)
7. Kotrelev, N.V. "Iz perepiski Iurgisa Baltrushaitisa s Viach. Ivanovym i Odoardo Kampa; Manifest moskovskogo 'Lo Studio Italiano', sostavlenyi Iurgisom Baltrushaitisom" ["From the Correspondence of Jurgis Baltrushaitis with Vyacheslav Ivanov and Odoardo Campa; Manifesto of the Moscow 'Lo Studio Italiano', compiled by Jurgis Baltrushaitis"]. *Jurgis Baltrušaitis: poetas, vertėjas, diplomatas, redaktorė Donata Mitaitė*. Vilnius, Liet. literatūros ir tautosakos inst., 1999, pp. 73–98. (In Russ.)
8. Kron, A.-L. "'Evgeniiu. Zhizn' Zvanskaia' kak metafizicheskoe stikhotvorenie" ["'To Eugene. Life in Zvanka' as a Metaphysical Poem"]. Etkind, I., and S. El'nitskaia, editors. *Norvichskie simpoziumy po russkoi literature* [The Norwich Symposiums on Russian Literature], vol. 4: Gavrila Derzhavin: Simpozium, posviashchennyi 250-letiiu so dnia rozhdeniia [Gavrila Derzhavin: A Symposium Dedicated to the 250th Anniversary of his Birth]. Northfield, Russkaia shkola Norvichskogo universiteta Publ., 1995, pp. 268–282. (In Russ.)
9. Obatnin, G. "Eshche raz o 'pomnit' i 'vspomnit' u Viach. Ivanova" ["Once Again about 'Remember' and 'Call to Remembrance' in Vjacheslav Ivanov's

- Work”]. *Okno iz Evropy. K 80-letiiu Zhorzha Niva* [A Window from Europe. On the 80th Anniversary of Georges Niva], comp. G. Nefed'ev, A. Parnis, V. Skuratovskii. Moscow, Tri kvadrata Publ., 2017, pp. 454–465. (In Russ.)
10. Panchenko, A.M. *Russkaia kul'tura v kanun petrovskikh reform* [Russian Culture on the Eve of Peter the Great' Reforms]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 464 p. (In Russ.)
 11. Ronen, I., Ronen, O. “Pamiat' i ‘vospominanie’ u Viacheslava Ivanova i Vladislava Khodasevicha” [“Memory’ and ‘Remembrance’: Vjacheslav Ivanov and Vladislav Hodasevich”]. *Viacheslav Ivanov. Issledovaniia i materialy* [Vyacheslav Ivanov. Research and Materials]. Issue 1, ex. ed. K. Iu. Lappo-Danilevskii, A.B. Shishkin. St. Petersburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma Publ., 2010, pp. 133–142. (In Russ.)
 12. Serman, I.Z. *Poeticheskii stil' Lomonosova* [The Poetic Style of Mikhail Lomonosov], ex. ed. P.N. Berkov. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1966. 260 p. (In Russ.)
 13. Solov'ev, V.S. “O liricheskoi poezii. Po povodu poslednikh stikhotvorenii Feta i Polonskogo” [“About Lyrical Poetry. Regarding the Latest Poems by Fet and Polonsky”]. Solov'ev, V.S. *Filosofia iskusstva i literaturnaia kritika* [Philosophy of Art and Literary Criticism]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1991. 701 p. (In Russ.)
 14. Sproge, L. “Iurgis Baltrushaitis — adresat liricheskikh poslanii K. Bal'monta, V. Briusova, Viach. Ivanova” [“Jurgis Baltrushajtis as an Addressee of Lyrical Messages by K. Bal'mont, V. Brjusov and Vjach. Ivanov”]. Sproge, L. *Russkaia poeziia i proza XX v.: epokha simvolizma i emigratsii. Monografiia* [Russian Poetry and Prose of the 20th Century: the Era of Symbolism and Emigration. Monograph]. Riga, Akademicheskoe izdatel'stvo Latviiskogo universiteta Publ., 2009, pp. 83–88. (In Russ.)
 15. Toporov, V.N. “Ob indoeuropeiskikh sootvetstviakh odnomu baltiiskomu mifologicheskomu imeni: balt. Puš(k)ait — dr.-ind. Pūšan, dr.-grech. Πάβν” [“About Indo-European Correspondences to one Baltic Mythological Name: Balt. Puš(k)ait — Old.-Hind. Pūšan, Old.-Greek. Πάβν”]. Toporov, V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike*. [Studies in Etymology and Semantics], vol. 2, book 1. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006, pp. 235–263. (In Russ.)
 16. Florenskii, P.A., priest. *Sochineniia: v 2 t.* [Essays: in 2 vols.], introd. by S.S. Khoruzhii, vol. 1 (I): Stolp i utverzhdenie Istiny [The Pillar and Ground of the Truth]. Moscow, Pravda Publ., 1990. 490 p. (In Russ.)
 17. Khellman, B. “Kogda vremia slavianofil'stvovalo. Russkie filosofy i perviaia mirovaia voina” [“When Time was Slavophilic. Russian Philosophers and WWI”]. Biukling, L., and P. Pesonen, editors. *Slavica Helsingien-*

- sia 6: Sludia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Problemy istorii russkoi literatury nachala XX veka* [*Slavica Helsingiensia 6: Sludia Russica Helsingiensia et Tartuensia. Problems of the History of Russian Literature at the beginning of the 20th Century*]. Helsinki, University of Helsinki, 1989, pp. 211–239. (In Russ.)
18. Ern, V.F. *Vremia slavianofil'stvet. Voina, Germaniia, Evropa i Rossiia* [*Time is Slavophilizing. War, Germany, Europe and Russia*]. Moscow, Tipografiia tovarishchestva I.D. Sytina Publ., 1915. 48 p. (In Russ.)
 19. Klein, Joachim. "Review: Zrimaia lirika: Derzhavin Tat'jana Smoljarova" ["Review: Visible Lyrics: Derzhavin Tatyana Smolyarova"]. *Revue des études slaves*, vol. 82, no. 2, 2011, pp. 311–317. (In Russ.)
 20. Merriam, Susan. *Seventeenth-Century Flemish Garland Paintings. Still Life, Vision and the Devotional Image*. Burlington, VT, Ashgate, 2011. 214 p. (In English)